

Сборник научных трудов подготовлен к юбилею известного специалиста в области археологии Средневековой Руси и хранителя археологических коллекций Н.Г. Недошивиной, работающей в Историческом музее более 55 лет.

В нем впервые представлены неизвестные ранее археологические памятники и предложены атрибуции выявленных в коллекциях предметов, относящихся ко времени становления и развития Древнерусского государства.

СЛАВЯНЕ И ИНЫЕ ЯЗЫЦИ...

Государственный Исторический музей

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

ВЫПУСК 198

СЛАВЯНЕ И ИНЫЕ ЯЗЫЦИ...

К ЮБИЛЕЮ НАТАЛЬИ ГЕРМАНОВНЫ НЕДОШИВИНОЙ

Ответственный редактор

кандидат исторических наук Н.И. Асташова

Москва 2014

Публикуется по решению Проблемного совета по археологии ГИМ

Издание осуществлено благодаря финансовой поддержке ЦАИ «Куликово поле»

Редколлегия: С.А. Авдусина, Т.Д. Авдусина, И.В. Белоцерковская,
А.М. Красникова, С.С. Зозуля

Рецензенты:

кандидат исторических наук Н.В. Ениосова
кандидат исторических наук Л.В. Покровская

Славяне и иные языци... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной \ Труды ГИМ.
Вып. 198. М., 2014. 352 стр. с илл.

Сборник научных трудов подготовлен к юбилею известного специалиста в области археологии средневековой Руси и хранителя археологических коллекций Н.Г. Недошивиной, работающей в Историческом музее более 55 лет. В нем впервые представлены неизвестные ранее археологические памятники и категории материалов и предложены атрибуции выявленных в коллекциях предметов, дополняющих источниковую базу по периодам становления Древнерусского государства, его развития и более позднего времени. Авторами сборника, помимо сотрудников ГИМ, стали представители крупных научных организаций Москвы, С.-Петербурга, Пскова и Новгорода.

Для археологов, историков, искусствоведов, музейных работников и широкого круга любителей древностей.

ISBN 978-5-89076-238-2

© Государственный Исторический музей, 2014

© Н.И. Асташова

© Можайский полиграфический комбинат,
оформление, 2014

В.Н. Седых (СПбГУ)

О ПРОЯВЛЕНИЯХ КУЛЬТА МЕДВЕДЯ В ЯРОСЛАВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

*«Медведь в лесу – что боярин в городе»
(Русская народная пословица)*

Культы и верования были важнейшей составной частью духовной культуры народов в древности. Остатки и следы древних культов отражаются в этнографических и фольклорных источниках, в материалах археологии. В последних они выявляются при раскопках погребальных памятников, святилищ и поселений в виде элементов погребального обряда, амулетов из зубов и костей животных и птиц, украшений, различных изображений на оружии и бытовых предметах. Анализ имеющихся данных дает возможность реконструировать верования и их роль в духовных представлениях населения Ярославского Поволжья эпохи раннего средневековья. История населения указанного региона и периода – одна из основных тем в научном творчестве Натальи Германовны Недошивиной.

Согласно мнениям современных исследователей, наиболее распространенными в древности были зооморфные культы, в частности, водоплавающей птицы, коня и медведя (Дубов, 1995). При этом авторы связывают появление и развитие того или иного культа либо с экономическими отношениями, либо с родовыми верованиями, т.е. тотемизмом. В отличие от таких объектов охоты, как водоплавающая птица или пушной зверь, которые занимали значительное место в экономике населения лесной полосы Евразии, медведь был окружен особым почитанием. В представлениях древних людей медведь был «хозяином» – прародителем или предком человека, в том числе покровителем скота. В.В. Иванов и В.Н. Топоров отмечают, что «Значение медведя определяется прежде всего его

подобием человеку, толкуемым мифологическим сознанием как указание на общее их происхождение или происхождение друг от друга» (Иванов, Топоров, 1982. С. 128).

Изучению культа медведя посвящены многочисленные работы. В них выявлены ареал, порядок и смысл обрядовых действий, и, главное, основная функция животного как родоначальника, продолжателя рода, покровителя, посредника, защитника рода (Васильев, 1948; Алексеев, 1960; Гемуев, 1985; Хасанова, 2000).

Первым крупным исследованием культа медведя у населения Северо-Восточной Руси явилась работа Н.Н. Воронина «Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке» (1941 и 1960 гг.), в которой автор проанализировал весь комплекс доступных материалов, включая результаты археологических раскопок, данных этнографии и фольклора. В своем труде, не утратившем своей актуальности и ныне, автор проследил развитие культа медведя в Ярославском Поволжье, установил преемственность его от почитания медведя до святого Власия (медведь – Велес / Волос – Власий), отметил его длительную историю (Воронин, 1960. С. 70-71).

Тему родства / хозяина леса отражают табуистические названия медведя – эвфемизмы – «отец», «дед», «дедушка», «старик», «дядя», «отчим», «мать», «бабушка», «старуха», «лесовой человек», «зверь», «хозяин (леса, гор)», «владыка», «князь зверей», «он», «старик, одетый в шубу», «когтистый старик», «добрый мужичок» и т. п. (Соколова, 1990. С. 67). В некоторых сказках название медведя не использовалось

(«зверь») при условии, что остальные лесные животные назывались своими именами. Вера в сверхъестественные свойства медведей, табуирование их мяса для еды и пр. фиксировалось в прошлом не только у представителей финно-угорских народностей, но и у русских, прежде всего, северных территорий Европейской России (Логинов, 1993. С. 48-55).

Культ медведя проявляется в особом отношении к этому зверю, признании его существом, близким человеку; он нашел свое отражение в поверьях, обрядах, в фольклоре разных народов (Аничков, 1914. С. 272-274). Так, с целью оберега семьи в жилище или на чердаке хранили медвежий череп (иногда чучело медвежонка) – “для счастья”, над детской колыбелью подвешивали коготь или клык медведя. Убитый медведь, согласно представлениям сибирских крестьян, мог помогать людям в борьбе с нечистой силой. В конюшне было принято хранить отрубленную медвежью лапу, а дом, конский двор, хозяйственные постройки – окуривать медвежьей шерстью. Многие охотники Сибири для удачи в промысле прикрепляют к поясу клыки медведя (Соколова, 1990. С. 40-41).

Среди этнографов сложилось устойчивое мнение о том, что в народных воззрениях восточных славян поверья о животных, в том числе о животных-оборотнях, сохранились лишь в отрывочном виде. Однако в силу ряда причин на территории Западной и Восточной Сибири в конце XIX–начале XX в. эти религиозные представления нашли яркое отражение в поверьях, календарных обычаях и обрядах, фольклоре, что было зафиксировано тогда и фиксируется в настоящее время.

Для многих народов Сибири медведь является тотемом, прародителем, посредником между людьми и природой, верхним, средним и нижним мирами. У обских угров медведь считался предком фратрии Пор, позже культ медведя стал общеплеменным. Считалось, что после смерти медведь возрождается в человеке и наоборот. Наиболее полно отразился культ медведя в комплексе обрядовых действий, связанных с удачной охотой на медведя и поеданием его туши (Крейнович, 1969. С. 6-112). Его убиение, свеживание туши, поедание мяса и забота о его остатках представляют собой целый ряд церемоний – так называемый *медвежий праздник*, который у обских угров теперь является общенародным (Вереш, 1990. С. 72-76). Обско-угорские медвежьи праздники отличаются от подобных празд-

неств у других народов (Хакамиес, 1990. С. 165-180) богатством и разнообразием песен, танцев, мистерий, где используется не только традиционный фольклор, но и импровизация.

Тесно связаны с медведем свадебные поверья. Так, медведь, приснившийся девушке, сулит ей жениха. Медведь же символизирует жениха в свадебных песнях. На свадьбе, чтобы заставить молодых целоваться, кричат: «Медведь в углу!» – «Петра (Михаила) Ивановича люблю», – должна ответить невеста и поцеловать жениха. Если невесту заставить посмотреть в глаза медведю, то по его реву можно определить, девственница она или нет. Когда невеста оказывалась невественной, пели, что ее «разодрал» медведь. Чтобы муж перестал изменять жене, она мазала влагулице медвежьим салом. Считалось, что женщина излечится от бесплодия, если через нее переступит ручной медведь.

Н.Н. Воронин (1960. С. 25-93) писал в связи с этим: «В святочных ряженьях и свадебных обрядах Пошехонья и Верхнего Поволжья сохранилось немало весьма своеобразных черт. Обычно мужчины переряживаются в женщин и обратно; ряженые разыгрывают шуточные свадьбы, при этом ряженые медведями валят девушек на пол и пачкают сажей (*Ростовский уезд Ярославской губ. – В.С.*). Молодых сажают на вывороченной мехом шубе, родственники невесты, приглашая молодых в гости к тестю, рядятся в вывороченные мехом наружу шубы, на гулянье по случаю свадьбы парни рядятся в женские, а девушки – в мужские костюмы» (Воронин, 1960. С. 65–66). Не только в Пошехонье, но и в других регионах Верхнего Поволжья, например, в Шуйском районе Ивановской области известны подобные факты как сажанье молодых на вывороченную мехом шубу. «Медведицей» в Пошехонье Ярославской губернии называли молодую, приходящую в дом свекра. Саамские новобрачные сидят, как правило, на медвежьей шкуре и называются «медведями».

Основываясь на наблюдениях шведских этнографов, Н.Н. Воронин писал: «Старинный свадебный обряд в ряде районов Швеции включал в себя особую игру, в которой участвовал ряженный медведем человек... при этом новобрачные сидят на медвежьей шкуре, так же как и гости, сидящие парами (мужчина и женщина) на шкурах» (Воронин, 1960. С. 67). Медвежья шкура у исландцев также является определённым талисманом: по исландскому поверью родившийся на ней не будет страдать от холода.

Обычай ряжения медведем в свадебных, святочных и масленичных обрядах связан, по мнению исследователей, с идеей плодородия (Тура, 1997. С. 159-177). Все это явно говорит о медведе как о «прародителе» человека, «хозяине-батюшке» и связано с культом плодородия, в системе которого медведь играл немаловажную роль и являлся залогом продолжения человеческого рода. Н.Н. Воронин указывает, что в шуточной игре, где ряженные медведем валят девушек на пол и пачкают сажей, может быть, следует видеть отзвуки символического игрища, воспроизводившего брак медведя и женщины. Примеры связи культа медведя со свадебной обрядностью известны и в жизни. Так, в Швеции, в северной части района Даларна (шв. *Dalarna*) – историческая провинция в средней Швеции в области Свеаланд – термин «жениться» передаётся буквально «обмедведиться» (Воронин, 1960. С. 67).

Получеловеческий характер медведя ясно прослеживается в фольклорных материалах Швеции и Финляндии. Важность имеют также мифы, включающие мотив союза между самцом медведя и женщиной, который привёл к созданию ряда европейских династий. Этот сюжет нашел отражение в норвежских сагах и исландских сказках. Об этом пишет Саксон Грамматик в «Истории датчан» (ок. 1200 г.). Происхождение некоторых героев саг от медведя и женщины является весьма характерным, по выражению Н.Н. Воронина, «обломком медвежьего культа у северных народов».

В скандинавских сагах упоминаются загадочные местные богатыри – *берсерки*, обладавшие страшной силой, несокрушимой мощью и дикой отвагой. По толкованию некоторых исследователей, *Berserker* (*берсеркер*, *берсерк*) переводится как *медвежья шкура* или *в медвежьей шкуре*. В обско-угорской мифологии (у народов ханты и манси) встречаем: «...иногда упоминается, что ее (девушку) взял в жены медведь». В медвежьих сказках саамов брак медведя-жениха и невесты-человека явление достаточно частое.

Существует обширный цикл сказок, в которых главным героем является полумедведь-получеловек. Это русские, украинские и белорусские сказки об «Ивашке Медвежьем Ушке» («Медвежье Ушко», «Медведко», «Ведмідь»), широко распространенные от Карпат до Печоры и от Прибалтики до Южного Урала.

В отечественной живописи тема тотемизма наиболее полно выражена в полотне Н.К. Рериха «Человечьи праотцы» (1911, Музей Эшмоле-

ан, Оксфорд), которое изображает сидящего на холме юношу в холщовом одеянии, играющего на свирели, в окружении лежащих медведей, замороженных музыкой.

Почитание медведя нашло свое отражение в геральдике. Изображение медведя встречается на гербах многих городов мира: зарубежных (например, Берлин, Берн, Брюгге) и отечественных – Ярославля, Великого Новгорода, Перми и др. И.А. Тихомиров в специальной работе (1909) проследил эволюцию ярославского герба, в которой указал на тотемическую основу его символа. Эту тему продолжил Н. Н. Воронин, считавший, что герб города был отголоском древнего медвежьего культа (Воронин, 1960. С. 68-71).

Медведь стал эмблемой ярославской земли со второй половины XVII в. Интересно, что само слово герб в русских письменных источниках впервые фиксируется именно в связи с гербом Ярославля. Это было в 1692 г., когда царский указ предписал Ярославской приказной избе «быть печати изображением герб ярославской». Рисунок герба города, размещенный на печати, повторял эмблему Ярославского княжества из Титулярника 1672 г. – это хорошо известный медведь с протазаном на плече. К 1730 г. ярославский герб был утвержден официально (рис. 1, 1, 2).

Наконец, следы почитания медведя русскими смердами Поволжья XI в. сохранились в летописных сообщениях о восстании в Ростовской земле 1071 г., в сказаниях и легендах об основании Ярославля, имеющих историческую основу и записанных в конце XVII–начале XVIII в. (Тихомиров, 1909. С. 35-36, 40; Воронин, 1960. С. 28-40). Согласно им только убийство князем Ярославом культового *медведя* / *медведицы* в момент основания города привело в беспрекословное повиновение местных жителей – мерян. Описанные события происходили в *Медвежьем* углу, где поклонялись идолу *Волоса*, сиречь скотьюму богу, стоявшему посреди логовины, нарицаемой *Волосовой*, рядом с кереметью.

Связь культа медведя с Велесом – покровителем скотоводства – отмечает Б.А. Рыбаков. Автор полагает, что изначально Велес мог означать «духа убитого зверя», «духа охотничьей добычи», при переходе же к скотоводческому хозяйству медведь стал «скотьюм богом» (Рыбаков, 1981. С. 424-425).

Известные языковеды В.Н. Топоров и В.В. Иванов отождествляют языческое славян-

ское божество «Волоса – скотьего бога» с «медведем – хозяином зверей», представляя его в облике медведя. Они считают, что связь его с животным вытекает уже из его имени: Волос – волосатый – волохатый – мохнатый. Кроме того, исследователи предполагают, что и слово «волхв» происходит от имени этого Бога и от обычая жрецов одеваться в вывороченные мехом наружу шубы для подражания своему Божеству (Топоров, Иванов, 1974. С. 57).

Таким образом, культ медведя нашел отражение в поверьях, обычаях, обрядах, в фольклоре, письменных и иных источниках разных народов лесной полосы Евразии.

Среди древних зооморфных культов медвежий культ представляет особый интерес, поскольку он является одним из древнейших, зафиксированных археологически. Кроме того, это один из немногих культов, сохранивших древние напластования и не превратившийся в промысловый культ.

Культ медведя уходит своими корнями в глубины тысячелетий. Материалы эпохи мустье свидетельствуют о существовании культа медведя у неандертальцев (Столяр, 1985; Художественная культура ..., 1994. и др.). Это известные «медвежьи пещеры», обнаруженные в альпийской зоне Центральной Европы (Вильдкирхли, Драхенлох, Вильденманнлислох, Регурду и др.). В них черепа и кости пещерных медведей были уложены в строгом порядке, иногда по кругу (Клюни), с определённой ориентировкой. В Ильинской пещере близ Одессы кости медведей находились за специальной каменной оградой, череп был обложен камнями. Очевидно, что это были не естественные кладбища пещерных медведей, не остатки пищи первобытных жителей пещер, а «сознательно созданные неандертальцами сооружения для отправления культа медведя» (Хлобыстина, 1987. С. 106).

У коренного населения Волго-Окского междуречья – финно-угров, как и у всех жителей лесной зоны, медвежий культ «имел свою длительную историю от неолита и ранней бронзы до Древней Руси» (Воронин, 1960. С. 71). Первые изображения медведя исследователи выделяют среди кремневых изделий эпохи неолита. Кости медведя, особенно черепа, сопровождают погребения людей волосовской культуры, клыки использовались в качестве амулетов, что, по мнению Д.А. Крайнова, является свидетельством почитания медведя священным животным (Крайнов, 1987а. С. 19).

Наиболее ярко этот культ прослеживается в погребениях фатьяновской культуры эпохи бронзы. Здесь зафиксированы полные, видимо, ритуальные захоронения медведей (Вауловский и Холмовогорский могильники), находки медвежьих клыков-амулетов и их имитаций (иногда с медными колечками, которые клались около кистей рук, у пояса или черепа); кинжалов из медвежьей кости, каменных топоров. Особую серию каменных изделий составляют так называемые фигурные топоры или молоты и песты с изображением медвежьей головы, которые, безусловно, носят ритуальный характер. Такой каменный сверлёный топор-молоток с медвежьей головой на обухе (рис. 1, 4) был обнаружен в районе города Ростова-Ярославского (Крайнов, 1972. С. 199; 1987б. С. 71, 184. Рис. 28а, 20). Учитывая подобные находки, Д.А. Крайнов прослеживает для фатьяновской культуры прямую связь культа медведя со скотоводческим хозяйством. Сверлённые топоры-молотки с медвежьей головой происходят из материалов балановской культуры, а похожие на молот предметы известны среди находок на Скандинавском полуострове. Из района озера Иткуль на Алтае происходит датированный эпохой ранней бронзы каменный пест, верхний конец которого оформлен в виде головы медведя с характерно вытянутой мордой (Студзицкая, 1969. С. 57).

В эпоху бронзы широкое распространение, очевидно, имели деревянная и костяная скульптуры, в большинстве случаев не дошедшие до нас. Однако такие находки известны: это голова медведя из дерева (Эдинг, 1940. С. 55. Рис. 47) и фигурная рукоять деревянного весла в виде медвежьей головы (Мошинская, 1976. Рис. 13), происходящие из Шигирского торфяника (Свердловская область).

Образ медведя нашел отражение и в глиняной пластике бронзового века – это миниатюрное изображение медведя из комплекса сартыньинской культуры в Нижнем Приобье (Васильев, 1981. С. 169), керамическая фигурка медведя (Студзицкая, 1969. Рис. 2, 8) и глиняный сосуд с рельефными изображениями восьми медвежьих голов из материалов поселения Самусь IV (Матющенко, 1973. С. 95), сосуды с рельефным налепом в виде головы медведя с поселения Галанкина Гора в Марийском Поволжье. Налепы в виде медвежьей морды известны на зауральской керамике – на стоянке Тух-Эмтор IV в Васюганье (Кирюшин, Малолетко, 1979. С. 70) и др.

В эпоху раннего железа культ медведя представлен прежде всего в материалах святилищ и в искусстве малых форм. В Верхнем Прикамье это святилища ананьинско-гляденовского времени с костями медведя. В этом регионе костища существовали и в более позднее, ломоватовское время, однако костяки медведя прослеживаются лишь на некоторых из них, количество их невелико, и они сильно раздроблены (Андреева, Петренко, 1976. С. 146-147).

Аналогичная картина фиксируется в пещерных святилищах Северного Урала, большинство которых функционировало с эпохи бронзы и практически до современности – Канинская и Унинская пещеры в верховьях реки Печоры, Шайтанская, Лаксейская, Шайтан-Яма и др. (Канивец, 1964).

В археологических материалах I тыс. н.э. достаточно многочисленной категорией находок, связанных с культом медведя, являются бронзовые привески с изображением этого зверя, хорошо известные, главным образом, в Прикамье, в памятниках VI–VII вв. (Голубева, 1979. С. 25-27). В Поволжье такие подвески происходят из Ивановского, Младшего Ахмыловского, Нармонского, Максимовского грунтовых могильников (Дубов, 1995. С. 12-13). По мнению Л.А. Голубевой, подвески-обереги с изображением медведя проникали в течение последней трети I тыс. н.э. в Поволжье из Прикамья.

Кроме подвесок этого времени необходимо указать на находки бронзового орнаментированного навершия рукояти ножа V–VI вв. со скульптурным изображением медведя на торце из дер. Харино Пермской области (Оборин, Чагин, 1988. Кат. № 106), близкого описанному навершию рукояти ножа и деревянной резной чаши с ручкой в виде фигуры медведя из березового капа, украшенной серебром, из Веслянского I могильника VI–VIII вв. (Савельева, 1975. С. 37-38).

Реалистично выполненная костяная фигурка медведя обнаружена на дьяковском Попадьянском селище на Волге близ Ярославля (Горюнова, 1961. С. 133. Рис. 60, 2). Кроме того, на дьяковских поселениях встречены подвески-амулеты из клыков и когтей медведя. Известны находки подвесок из зубов / клыков и когтей медведя и в материалах мерянских памятников – Сарского городища и Сунгирского селища (Леонтьев, 1996. С. 175. Рис. 74, 13, 18; С. 213. Рис. 91, 2).

Из кости изготовлен и гребень с навершием в виде медведей (рис. 1, 3), происходящий из

одного из Владимирских курганов X в. (Спицын, 1905а. С. 155. Рис. 377). Подобные гребни известны из раскопок в Прикамье, Ладоге, Новогрудке.

Почитание медведя фиксируют и североευропейские находки в погребальных памятниках I тыс. н.э. Скандинавского полуострова и Готланда, которые, по мнению Н.Н. Воронина, с убедительностью свидетельствуют о распространении обычая положения вместе с покойником медвежьей лапы или шкуры с лапами. В ряде погребений с сожжением встречаются медвежьи когти. Аналогичная картина фиксируется в южном Приладожье: там из медвежьих костей встречались только когтевые фаланги, которые свидетельствуют о том, что в погребальном обряде использовалась именно медвежья лапа, имевшая обрядовое значение (Бранденбург, 1895. С. 6-14). «Замещение медведя его лапой» – по принципу *pars pro toto* – отразилось в названии животного у потомков древнего населения южного Приладожья – вепсов, которые называли медведя «лапой».

Фигура медведя достаточно часто является украшением предметов вооружения и быта населения Скандинавии эпохи средневековья. В этом отношении особый интерес представляет наконечник копья, украшенный фигурами медведя, в королевском погребении могильника Вендель (Хакамиес, 1990. С. 174).

В конце I тыс. н. э. начинается освоение лесной зоны Восточной Европы славянским в основе населением, которое проникает в районы, ранее занятые балтскими и финно-угорскими племенами. При этом означенные процессы совпали с продвижением в эти же области выходцев с севера – варягов. Раннесредневековые древности в Ярославском Поволжье немногочисленны и представлены прежде всего курганными могильниками под Ярославлем и связанными с ними поселениями. Наиболее исследованным и информативным в настоящее время является Тимерёвский археологический комплекс близ Ярославля, в состав которого входят погребальные древности (более пяти-сот комплексов), поселения большой площади и клады арабских монет IX века (Дубов, 1982; Седых, 1998. С. 22-26; 2001. С. 173-188; 2006. С. 153-160; 2009. С. 571-578; Sedyh, 2000, и др.). Многочисленные и разнообразные материалы раскопок этого памятника активно используются при решении историко-археологических проблем Древней Руси эпохи раннего средне-

вековья. Анализ всего комплекса данных раскопок могильника и поселений, находок кладов позволяет более детально реконструировать этнокультурную историю населения Ярославского Поволжья в эпоху раннего средневековья, в том числе его религиозные представления.

Среди разнообразного вещевого материала из раскопок поселения и могильника Тимерёво отметим находки, связанные с рассматриваемой проблемой. Это прежде всего предметы северного круга древностей, на которых запечатлен образ медведя – фибулы (рис. 2, 1), детали конской сбруи (рис. 2, 2-4), а также когти и клыки медведя.

Одной из наиболее многочисленных категорий находок из погребальных комплексов Ярославского Поволжья рассматриваемого периода являются хорошо известные в научной литературе лапы и кольца, изготовленные из глины (Тихомиров, 1909. С. 54-56; Станкевич, 1941. С. 56-88; Воронин, 1960. С. 25-93; Фехнер, 1962. С. 305-309; 1963. С. 86-89; Дубов, 1984. С. 95-99; 1987. С. 7-19; Седых, 1995. С. 60-67). Кости медведя в материалах ярославских могильников конца I–начала II тыс. н.э. встречаются в единичных случаях: в кургане № 54 Петровского могильника – пястная кость (Андреева, 1963. С. 93) и в кургане № 95 – клык-привеска (Дубов, 1976. С. 84. Рис. 2, 26). При этом, по заключению Е.Г. Андреевой, состав фауны курганных погребений Ярославского Поволжья и южного Приладожья в основном сходен: различия имеются лишь в некоторых видах животных – в курганах Приладожья чаще всего встречаются кости лошади и медведя (Андреева, 1963. С. 95).

В настоящее время лапы и кольца найдены в 104 курганах, причём число находок, очевидно, будет увеличиваться (лапы и кольца обнаружены в процессе раскопок автором Тимерёвского могильника в 1986–1990 гг.).

Как правило, в погребениях находили по одному экземпляру лап, однако известны случаи находок двух (но не более) лап в одном комплексе. Примерно треть этих находок сопровождалась глиняными кольцами. В 17 курганах кольца были встречены без лап или последние не были зафиксированы.

Касаясь технологии изготовления рассматриваемых предметов, исследователи отмечали, что лапы (имелись в виду, очевидно, также и кольца) изготавливались из грубой глины, были плохо обожжены или даже совсем не обожжены, имели грубый характер обработки (Фех-

нер, 1963. С. 87). Зафиксированы случаи, когда сформованные изделия были помещены на ещё не остывшее кострище, отчего слабому обжигу подвергалась лишь нижняя часть предметов. Весьма затруднительна классификация лап и колец по форме, ибо в силу отмеченных выше технологических характеристик подавляющее их число дошло до нас во фрагментированном виде. Вполне вероятно, что количество лап и колец в действительности было более значительным. Они могли не сохранить своей формы по влажной песчаной почве будучи плохо или вообще не обожженными, или их могли не выявить в процессе раскопок погребений по обряду кремации, когда на кострище находятся фрагменты глины, составляющие насыпь, специальные площадки из обожженной глины и т. д. Отметим, что высказанное предположение относится не только к территории Ярославского Поволжья.

Предварительная систематизация изображений лап позволяет разделить их на две группы (рис. 1, 5, 6): 1 – изображения лап удлинённых пропорций с выделенной, суживающейся к концу пяточной частью (количественно преобладают); 2 – изображения «коротких» лап с широкой округлой пяткой. Абсолютные размеры (длина) лап от 8,0 до 15,0 см. При этом среди лап 1 группы встречены изображения с четырьмя растопыренными пальцами, лежащими в одной плоскости, и пятым оттопыренным, стоящим перпендикулярно (например, лапы из курганов № 7, 47, 287, 401 Тимеревского могильника). Кольца различаются по форме сечения – подовального, подтреугольного и округлого. Диаметр колец от 8,0 до 16,0-18,0 см.

В литературе неоднократно и единодушно отмечалось, что лапы и кольца найдены исключительно в погребениях, что подчеркивает их магический характер (Уваров, 1871. С. 700-703; Воронин, 1960; Горюнова, 1961. С. 148; Фехнер, 1963. С. 86; Дубов, 1987. С. 97; и др.).

Данные изделия происходят из курганов с остатками захоронений по обряду кремации на месте и на стороне (Фехнер, Недошивина, 1987. С. 83), причём в погребениях они занимали определенное место: всегда лежали на кострище, чаще среди кальцинированных костей, собранных в груды, или в погребальной урне, или рядом с ней, в грунтовой яме, а иногда лапа была положена отдельно на плоском камне (Фехнер, 1962. С. 305; 1963. С. 86). Значительная часть комплексов с находками лап и колец содержала

остатки деревянных и каменных конструкций, характерных для курганов середины X в. (Дубов, 1977. С. 122). В целом комплексы с лапами и кольцами датируются концом IX–X в. (Дубов, 1987. С. 97) или IX–рубежом X–XI вв. (Фехнер, Недошивина, 1987. С. 83).

Кроме конструктивных моментов, характерных, по мнению И.В. Дубова, для погребений с лапами и кольцами, он указывает и на связь этих находок с другими финно-угорскими элементами – копоушками, привесками из астрагалов бобра, круглодонной керамикой, бубенчиками (Дубов, 1987. С. 97). Однако проведенный анализ инвентаря комплексов с глиняными лапами и кольцами показывает, что наибольшая связь лап и колец устанавливается с категориями находок северного происхождения (Седых, 1995. С. 64–65). Отмеченные же И.В. Дубовым находки входят, как правило, лишь в состав более многочисленных и богатых в вещевом отношении комплексов с лапами и кольцами.

Изображения глиняных лап известны в материалах нескольких памятников на территории Древней Руси и Фенноскандии: в Швеции и на Аландских островах (рис. 3, 1–3), при этом глиняные кольца там отсутствуют (Фехнер, Недошивина, 1987. С. 83). Все исследователи сходятся в том, что лапы и кольца изготавливались специально для погребальной церемонии и характерны для похоронного обряда финно-угорских племен. А.Е. Леонтьев считает возможным связывать находки лап и колец с появлением в регионе славянского населения и складыванием своеобразного варианта древнерусской культуры в Северо-Восточной Руси (Леонтьев, 1991. С. 39–46).

Относительно принадлежности лап конкретному животному в науке нет единого мнения. Ряд исследователей (Е. Кивикоски, М.В. Фехнер, К.Ф. Мейнандер) считает их слепками лап бобра. Более того, по мнению М.В. Фехнера, глиняные лапы являются прямым доказательством существования культа бобра в Верхнем Поволжье, хотя при этом исследователь не отрицает существования там и культа медведя (Фехнер, 1989. С. 71–78).

Другие авторы (Н.Н. Воронин, Е.И. Горюнова, П.Н. Третьяков, И.В. Дубов, В.Н. Седых) считают находки в погребениях Ярославских и Владимирских курганов глиняных лап и колец одним из важнейших проявлений культа медведя.

Не снимая проблемы видового определения животного, которому принадлежат изображе-

ния этих лап, считаем вопрос происхождения этих изделий наиболее важным. На этот счёт в настоящее время существует несколько точек зрения. Э. Кивикоски считает прародиной лап Аландские острова (Kivikoski, 1967. Р. 133), другой финский исследователь К. Мейнандер – Ярославское Поволжье (Мейнандер, 1979. С. 37). Сторонниками северо-западного происхождения лап являются П.Н. Третьяков (Третьяков, 1970. С. 127) и Е.А. Рябинин (Рябинин, 1974. С. 10). И.В. Дубов, присоединяясь к точке зрения Н.Н. Воронина, рассматривает появление лап на разных территориях как явление конвергентное (Дубов, 1987. С. 99). Указывая на наличие территориальной лакуны между аландскими и поволжскими находками и слабую корреляцию лап со скандинавскими вещами, И.В. Дубов отрицает прямое проникновение обычая изготовления лап из Фенноскандии.

Сравнительный анализ комплексов с лапами из могильников на Аландских островах и в Ярославском Поволжье позволяет утверждать их тождественность. Новые находки подтверждают наличие сильной связи лап и колец с предметами погребального инвентаря и деталями погребальной обрядности скандинавского происхождения (Седых, 1995. С. 60–67). По мнению шведского исследователя И. Янссона, сочетание железной гривны и глиняной лапы в одном комплексе является отчетливым этническим индикатором эмигрантов с Аландских островов и из Средней Швеции (округ оз. Меларен). Кроме того, в комплексах Ярославского Поволжья найдены лапы специфически аландской (по Э. Кивикоски) формы (Седых, 1995. С. 63. Рис. 2, 1) – рис. 3, 4.

Находки лапы в Шестовицах (Бліфельд, 1977. С. 86, 187) и, что особенно важно, в Старице (Плетнев, 1903. С. 116) отчасти закрывают лакуну между двумя рассматриваемыми территориями. Керамика, происходящая из комплексов с лапами Ярославского Поволжья, имеет аналогии на Аландских островах, в Швеции, на северо-западе Древней Руси в целом (Kivikoski, 1963; 1980; Selling, 1955; Sedyh, 2000).

Таким образом, есть основания предполагать прямое проникновение обычая использования в погребальном ритуале глиняных лап с Аландских островов в период активных и тесных связей Ярославского Поволжья с Фенноскандией. Предполагаю, что обряд погребения, включавший в себя как составную часть инвентаря имитации звериных лап (медвежьих, по нашему

мнению), зародился в области Средней Швеции в начальный период освоения шведами Аландских островов (в материковой Швеции пока известна лишь одна находка глиняной лапы) и получил развитие на уже упомянутых островах. Наличие выходцев с Аландских островов определенно фиксируют в материалах погребений Тимерёво как отечественные исследователи (Фехнер, Недошивина, 1987. С. 86-87; Седых, 1995), так и шведские коллеги (Jansson, 1987. Рр. 781-784; Callmer, 1994. Рр. 13-46).

В настоящее время находки глиняных лап зафиксированы в 85 комплексах могильников на Аландских островах¹, в Швеции (1), в ярославских и владимирских курганах, в Шестовицах (1) и в районе Старицы (1).

Глиняные лапы, являвшиеся отражением культа медведя у жителей Аландских островов, были восприняты населением Ярославского Поволжья (шире – Волго-Клязьминского междуречья), имевшим, очевидно, сходные представления о роли этого животного. В свою очередь появившиеся здесь как уже местный элемент глиняные кольца символизировали, вероятно, подношение медведю (Воронин, 1960). Между тем, по мнению В.Я. Петрухина, кольца в виде браслетов, гривен и т.п. были предметами культа в Скандинавии с бронзового века (Петрухин, 1983. С. 174-181). Поэтому кольцо в данном контексте можно рассматривать как глиняное подражание гривне.

Один из ярких примеров проявления культа медведя был зафиксирован при исследовании кургана № 297 Тимерёвского некрополя. Это одно из самых крупных погребальных сооружений могильника. Под насыпью зафиксирова-

но камерное погребение женщины 30-45 лет и девочки-подростка 11-13 лет, которых сопровождал богатый и разнообразный инвентарь (Дубов, Седых, 1992. С. 115-123). Курган датируется второй половиной X в. Обряд захоронения – камерная гробница, ладьевидная каменная вымостка, остатки реальной ладьи и набор вещей, прежде всего фибулы, говорят в пользу скандинавского происхождения усопших. Хотя здесь вполне могли быть погребены жена (наложница) и дочь богатого скандинавского купца или воина, сами имеющие иное или смешанное этническое происхождение.

Особый интерес и уникальность представляет находка серебряного перстня у кисти левой руки захороненной девочки, который был надет на фалангу медвежьей лапы. Толкование этого факта возможно лишь с привлечением описанных выше фольклорных и этнографических источников. Эту находку следует интерпретировать как обручение девочки-подростка с медведем-«прародителем», «хозяином» (Дубов, Седых, 1997. С. 40, 41). И если в реальной жизни оно служило залогом богатства новобрачных или счастливой жизни новорожденных, то в данном случае оно должно было обеспечить благополучный переход в загробный мир как и глиняные имитации медвежьих лап, известные в погребениях Аландских островов и Волго-Окского междуречья.

Таким образом, комплексный анализ данных свидетельствует, что культ медведя являлся одним из основных в системе мироощущения древнего населения Ярославского Поволжья и шире – Волго-Окского междуречья – на протяжении нескольких тысячелетий.

¹ Любезное сообщение научного сотрудника Аландского Музея (Мариехамн, Финляндия) Яна-Эрика Томтлунда.

V. Sedyh

ABOUT THE CULT OF THE BEAR AND ITS MANIFESTATIONS IN THE YAROSLAVL VOLGA REGION IN THE EARLY MIDDLE AGES

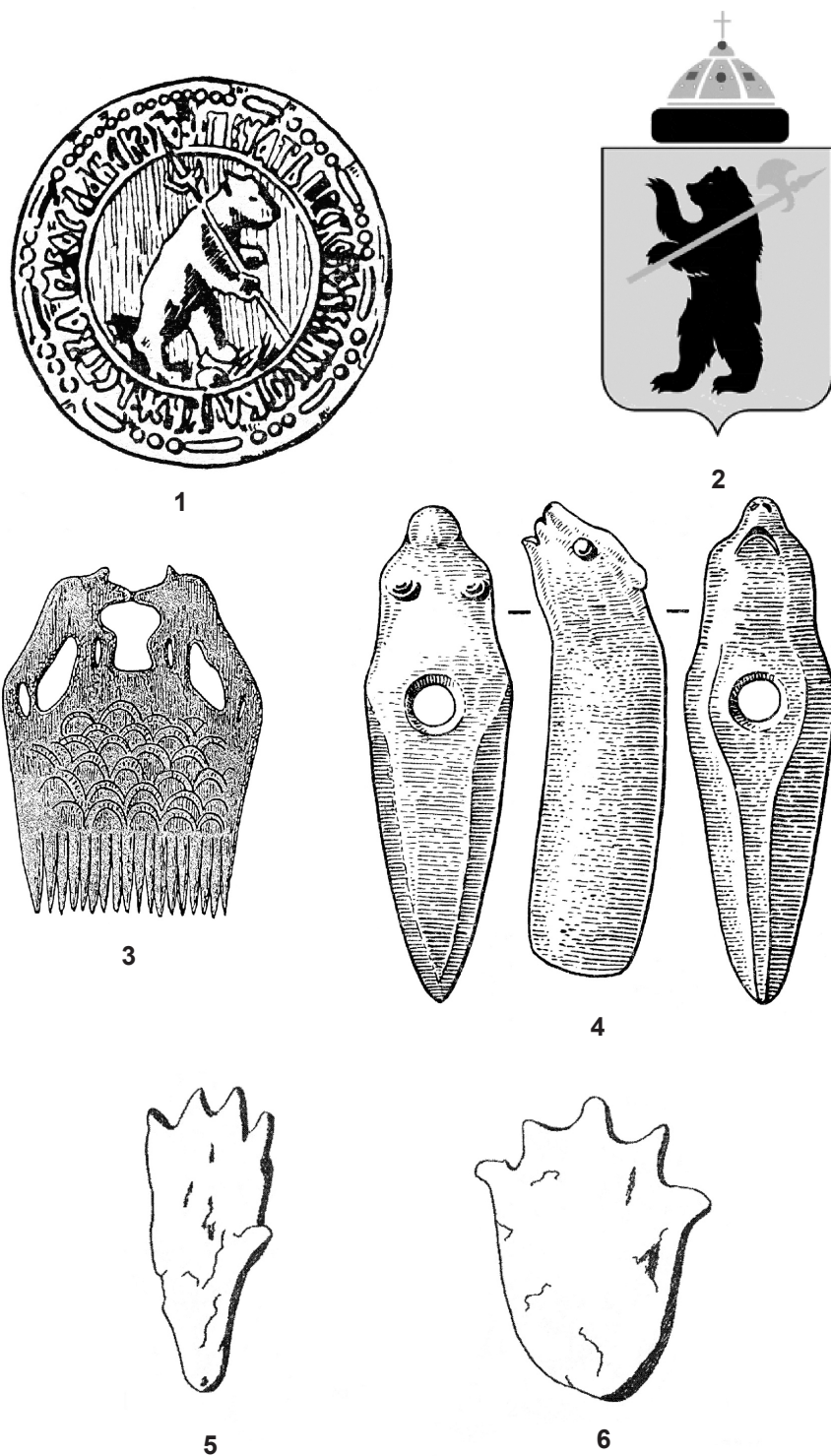
The purpose of the paper is to review the date of the Bear's cult among different peoples of the Eurasian forest zone as a whole and on the territory of the Yaroslavl Volga area in particular. The cult of the Bear is one of the oldest. It was reflected in written sources, folklore, tales, folk beliefs, customs and ceremonies. Wedding beliefs had an especially close contact with the Bear. The worship to the Bear is also reflected in heraldry.

The cult of the Bear is manifested since the Mousterian's era, but in the Iron Age and in the Middle Ages it was reflected especially bright: the images of the bear in bronze and clay, canines, claws and skin feet of the bear were found in the burials of Scandinavia.

The most important complex of the Early Medieval epoch in the Yaroslavl Volga region is the

archaeological site at the former village Bol'shoe Timerevo near Yaroslavl – including a full complex – treasures, settlements, burial grounds – The Timerevo Archaeological Complex.

In the complexes of the burials and the settlements of Timerevo we have found the artifacts of the northern circle of antiquities in Borre style – fibulas, parts of rich horse harnesses with images of the bear, their canines and claws. The burial complexes often contain finding of the clay imitations of animal paws (in my opinion – bear paws), moreover the paws are specifically of Åland shapes. Thus, it is possible to assume the direct penetration of these paws from the Åland islands together with the migrating people in the period of active and tight links of the Yaroslavl Volga area with Fennoscandia.

— 4-6

Рис. 1. Изображения медведя и глиняных лап.

1 – герб города Ярославля на печати 1692 года (по: Воронин, 1960. С. 70); 2 – современный герб города Ярославля; 3 – гребень из Владимирских курганов (по: Спицын, 1905. С. 155); 4 – топор-молоток с медвежьей головой из города Ростова-Ярославского (по: Крайнов, 1987. С. 184); 5 – группа 1 изображений лап из погребений Ярославского Поволжья; 6 – группа 2 (по: Седых, 1995. С. 63).
3 – кость; 4 – камень; 5-6 – глина. 1-3 – без масштаба.

Рис. 2. Фibuла и детали конской сбруи.
 1 – fibула из Тимерёвского поселения; 2-4 – детали конской сбруи из Тимерёвского некрополя. Фото автора.
 1– бронза, позолота; 2-4 – бронза.

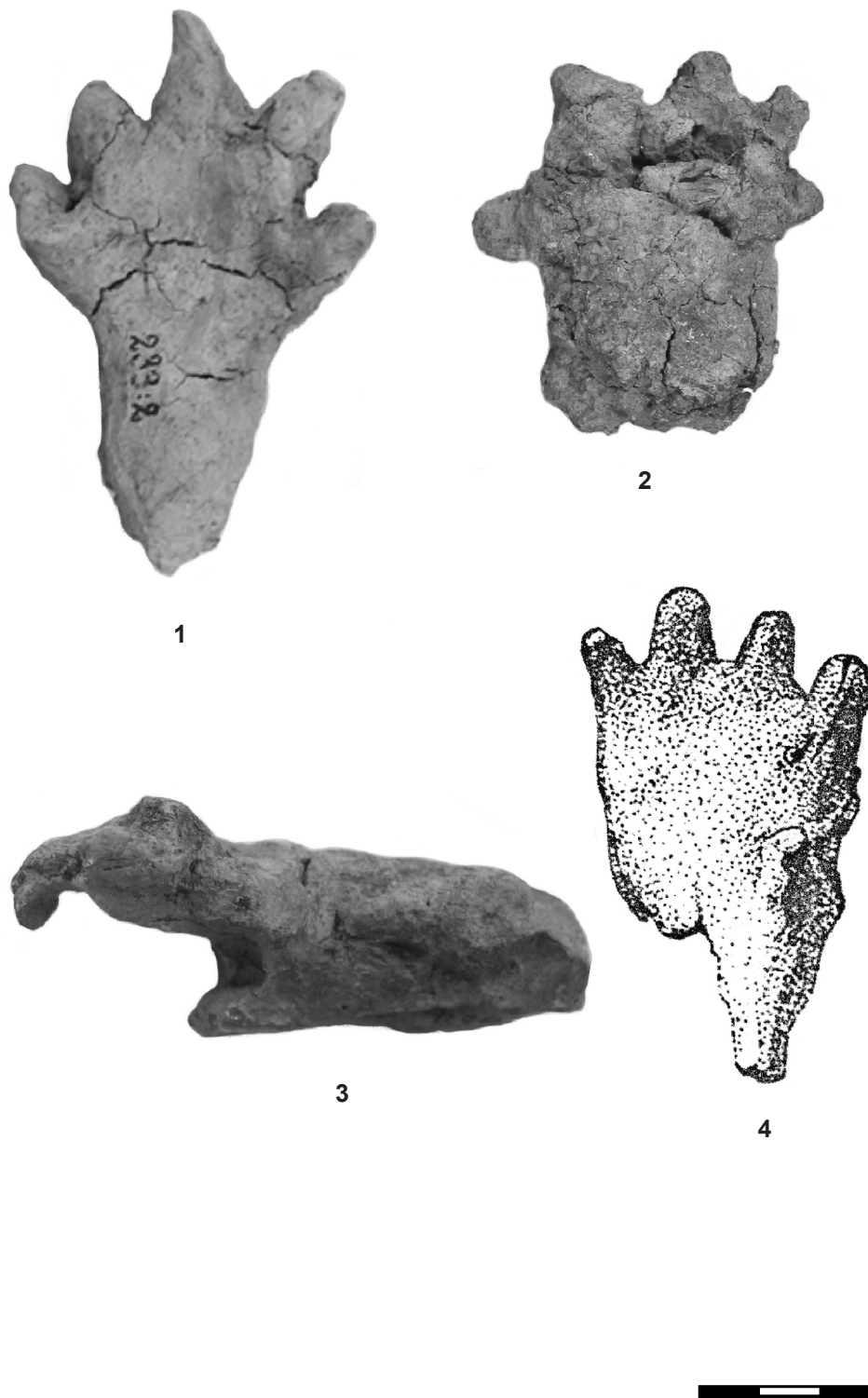

Рис. 3. Изображения лап из погребальных комплексов.
1-3 – Аландские острова (фото автора); 4 – лапа группы 1 из кургана № 287
(по: Фехнер, Недошивина, 1987. С. 83).